

© 1994 г.

Ю.Н. ДАВЫДОВ

ВЕБЕРОВСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАПИТАЛИЗМА*

Социально-экономическое и культурно-историческое своеобразие «современного капитализма»

Но чем более решительно расшатывает и отвергает Вебер привычные социологические дихотомии, тем более остро встает перед ним *его собственная* (здесь и далее курсив Вебера, разрядка моя. — Ю.Д.) проблема — проблема своеобразия «современного капитализма», взятого в его решительном противополжении архаическому или традиционному. Проблема, которая выкристаллизовывается для автора «Протестантской этики» в процессе анализа *особенностей генезиса* «современного капитализма», раскрытие каковых оказалось для него одновременно и открытием перспективы постижения его социально-экономической и культурно-исторической *специфики*. «Нас интересует, — формулировал Вебер в "Предварительных замечаниях" свою задачу (применительно к "Протестантской этике"), — возникновение *буржуазного промышленного* капитализма с его рациональной организацией свободного труда, а в к у л ь - турно-историческом аспекте — возникновение западной *буржуазии* во всем ее своеобразии, явление, которое, правда находится в тесной связи с возникновением капиталистической организации труда, но не может считаться полностью идентичным ему» [1, с. 53]. Через анализ этого двойного «возникновения», во-первых, определенного типа «организации труда», а, во-вторых, субъекта этой организации — буржуазии — Вебер и идет к *социологической расшифровке* понятия «современного капитализма», взятого в его культурно-историческом своеобразии.

Надо сказать, что и сама веберовская формулировка задачи требует, в свою очередь, известной предварительной расшифровки. Дело в том, что уже в определении предмета, генезис которого предстояло выяснить, а именно «*буржуазного промышленного* капитализма», заключались, хотя и в «свернутом» виде, черты его социокультурного своеобразия: во-первых, его *буржуазный*, во-вторых, его промышленный, то есть *продуктивный*, и даже более того — *высокопродуктивный* характер. Поэтому анализ генезиса «западной буржуазии» уже был, по сути дела, *тождественен* раскрытию «культурно-исторической» и в то же время социальной специфики «промышленного капитализма», путем выяснения его особой продуктивности, отличающей его от *потребительски* ориентированного архаического капитализма.

При этом речь шла далеко не только об одном социально-историческом анализе «западной буржуазии». Ведь «"буржуазия" в сословном смысле существовала и до возникновения *специфически* западного капитализма» [1, с. 53], и, стало быть, «чисто» социально-исторический анализ ее генезиса *сам по себе* мало что может пояснить в проблеме генезиса этого типа капитализма. Правда, тут же подчеркивает Вебер, существовала такая «буржуазия» «*только* на Западе» [1.с. 53], а это уже давало повод для некоторых (хотя и сугубо предварительных) размышлений о специфике «западного капитализма». Но, чтобы подойти к сути дела, нужно было, согласно ос-

* Окончание. Начало см. в № 8—9, 1994.

новному замыслу автора «Протестантской этики», вовлечь в рассмотрение *социокультурный* аспект генезиса «специфически западного капитализма», который, как оказалось, дал возможность пролить новый свет и на те его особенности, что якобы лежали на поверхности, были «само собой разумеющимися» (хотя именно потому не осмыслены *теоретически*).

Задача заключалась в том, чтобы постичь во всей его глубине своеобразие «мотивационной структуры» городского европейского сословия — «буржуазии», которая (в конечном счете) побудила ее встать на путь создания капитализма *совершенно нового* типа, а именно — промышленного, высокопродуктивного капитализма, предполагающего соответствующую и опять-таки совершенно новую форму *организации труда*. Эта структура мотивации формировалась, согласно Веберу, в ходе Реформации — в процессе возникновения новой «версии» христианства (воспринятой приверженцами традиционной христианской ортодоксии как ересь): *протестантизма* с его этикой *продуктивного* труда, *профессионального* долга и *частной* инициативы. Благодаря этому ее этическому ядру протестантская *религиозность* оказалась в отношении «адекватности», или, как предпочитал пояснять это понятие Вебер, пользуясь излюбленным выражением Гете, «*избирательного сродства*» с *хозяйственной этикой* той формы капитализма, каковой еще только предстояло возникнуть, — с промышленным, высокопродуктивным капитализмом.

Именно в этом своем качестве протестантизм — детище Реформации — и стал, согласно Веберу, «первоисточником» «*этоса*», которого, по его утверждению, «недоставало» прежним типам капитализма и который стал отличительной чертой «современного капитализма» в широком смысле слова. «В самом деле, — читаем мы в "Протестантской этике", — столь привычное для нас теперь, а по существу отнюдь не само собой разумеющееся (в чем мы очередной раз убеждаемся сегодня, сетуя на отсутствие у нас трудовой этики. — Ю.Д.) представление о *профессиональном долге*, об обязательстве, которое каждый человек должен ощущать и ощущает по отношению к своей "профессиональной" деятельности, в чем бы она ни заключалась и независимо от того, воспринимается ли она индивидом как использование его рабочей силы или его имущества (в качестве "капитала"), — это представление характерно для "социальной этики" капиталистической культуры, а в известном смысле имеет для нее и конститутивное значение» [I, с. 18].

Однако, ставя вопрос о «первоисточнике» этой «конститутивной» — неотъемлемой — особенности «капиталистической культуры» современного типа и стиля, автор «Протестантской этики» спешит предупредить читателей от неверного понимания его постановки вопроса. «...Мы ни в коей мере не склонны защищать столь неверный доктринерский тезис, — подчеркивает он, — будто "капиталистический дух" ... мог возникнуть *только* в результате влияния определенных сторон Реформации, будто капитализм как *хозяйственная система* является продуктом Реформации. Уже одно то, что ряд важных *форм* капиталистического предпринимательства, как известно, значительно *старше* Реформации, показывает полную несостоятельность подобной точки зрения. Мы стремимся установить лишь следующее: играло ли *также* и религиозное влияние - и в какой степени — определенную роль в качественном формировании и количественной экспансии "капиталистического духа" и какие *стороны*, сложившиеся на капиталистической основе *культуры*, восходят к этому религиозному влиянию» [I, с. 106].

Обратим внимание на то, сколь важную роль в приведенной веберовской аргументации, предупреждающей от неверного понимания веберовской постановки вопроса (и в то же время уточняющей ее), играет ссылка на то, что *капитализм вообще* «значительно *старше*» эпохи религиозного переворота, результатом которого было формирование этики, оказавшейся в отношении «избирательного сродства» к «*этосу*» («духу») *современного* капитализма, каковому еще только предстояло возникнуть.

Протестантская этика, подчеркивает тем самым Вебер, не имеет никакого отношения к «изобретению» капитализма, если брать его в качестве определенной «хозяйственной системы» вообще. Она уже была в наличии, издавна существуя в виде целого ряда «форм» (или «типов», как будет он говорить впоследствии). И если чем-то капитализм и обязан Реформации, так это тем, что в ее лоне сформировался специфический тип религиозной этики (христианской по своим источникам и основному содержанию), который стал, в свою очередь, прототипом «этоса» (или «духа») новой *культурной разновидности* «капиталистического хозяйства». Имеется в виду — прежде всего и главным образом — «"социальная этика" капиталистической культуры», прообразом которой была, согласно веберовской концепции, именно протестантская «хозяйственная этика», сыгравшая «конститутивную» роль в формировании ее духовных основ. Иначе говоря, «строительный материал» для новой «формы капитализма» существовал еще до Реформации. Не хватало лишь «нового духа», который, «внедрившись» в него, вызвал бы к жизни эту форму «капиталистической деятельности». Его-то и принесло с собой христианство, реформированное на протестантский манер.

Однако для того чтобы все это произошло, чтобы «дух» религиозного происхождения *соединился* с исторически наработанным «материалом» (извлеченным из налично существующих форм архаического капитализма) и более того, чтобы *сформировался сам этот «дух»*, получив исторически действенную форму определенной религиозной конфессии, необходимо было нечто третье, невыводимое, согласно Веберу, ни из истории ранних (архаических) капиталистических форм, ни из внутренней «логики» развития христианства. А именно — неповторимая «конstellация» (излюбленное понятие Вебера) самых разнообразных «факторов» духовного и экономического, правового и политического и т.д. порядка, обеспечившая «встречу» *безрелигиозного* (и, по меньшей мере, «имморального») капитализма и *религиозной этики*.

«Ведь мы стремимся лишь к тому, — пояснил свою концепцию автор "Протестантской этики", — чтобы более отчетливо показать то значение, которое религиозные мотивы имели в ходе развития нашей современной, специфически "посюсторонней" культуры, сложившейся в результате взаимодействия бесчисленных конкретных исторических мотивов. Наш вопрос, следовательно, сводится только к следующему: что именно из характерного содержания нашей культуры может быть *отнесено* к влиянию Реформации в качестве исторической причины? При этом мы должны, конечно, отмежеваться от этой точки зрения, сторонники которой выводят Реформацию из экономических сдвигов как их "историческую необходимость". Для того чтобы созданные реформаторами новые церкви могли хотя бы только утвердиться, потребовалось воздействие бесчисленных исторических констелляций, в частности чисто политических по своему характеру, которые не только не могут быть ограничены рамками того или иного "экономического закона", но и вообще не могут быть объяснены с какой бы то ни было экономической точки зрения» [1, с. 105—106]. То же самое говорил Вебер по поводу «нелепого доктринерского тезиса» [1, с. 106], согласно которому «капиталистический дух» пытались выводить из «определенных сторон» (религиозной!) Реформации, представляя капитализм в качестве ее конечного «продукта».

Идея констелляции «бесчисленных исторических мотивов», позволившая Веберу уйти от догматического представления о «монокаузальности», выделения одного-единственного, зато «решающего» исторического «фактора» (все равно — «материального» или «духовного», «экономического» или, скажем, нравственно-религиозного), теснейшим образом сочеталась у автора «Протестантской этики» с идеей «избирательного родства» между *констелляциями* разнородных, разнокачественных, словом, гетерогенных *факторов*. Применительно к той основной проблеме, которая волновала его в названной работе, это означало «принять следующий метод: *прежде всего...* установить, существует ли (и в каких пунктах) "изби-

рательное сродство" между известными формами религиозного (христиански-протестантского. — Ю.Д.) верования и профессиональной этикой (не забудем: *современной капиталистической культуры*. — Ю.Д.)» [1, с. 106]. А тем самым, по утверждению Вебера, решается, будучи сформулированным более конкретно, вопрос, на который до сих пор не могли дать удовлетворительного ответа ни идеалистическое, ни материалистическое «понимание истории»: «...(поскольку это возможно) выявится также и тип, и общая *направленность* того влияния, которое религиозное движение оказывало в силу подобного избирательного сродства на развитие материальной культуры» [1, с. 106].

Но таким образом мы получаем ключ к пониманию своеобразия современного капитализма, отмыкающий его «изнутри» — со стороны интимной мотивации его проводников и творцов, имеющей явно «неэмпирические» — нравственно-религиозные — истоки и импульсы. Идя от религиозно-«метафизических» устремлений глубоко верующих протестантов, принадлежавших к аскетическому крылу протестантизма, мы выходим к сугубо внешним, «материальным», как рискнул выразиться Вебер, *результатам* в объективированной культуре современного капитализма, какими обернулось именно это «религиозное движение». Религиозно окрашенный *аскетизм* вылился в *методическое самообуздание* будущих функционеров современного капиталистического производства, позволившее укротить «к злату проклятую страсть» настолько, что она вылилась в *рационально организованную* и математически выверенную в каждом звене *систему непрерывного добывания прибыли*.

Религиозное освящение повседневного труда в качестве воистину богоугодной деятельности («внутримирской аскезы») трансформировалось в стремление выходцев из буржуазного сословия, начинавших осознавать себя классом, отмеченным самим богом (классом «святых»), к *максимально продуктивному* — в идеале крупнопромышленному — использованию капитала, рассматривая иное его использование как зарытый в землю «талант» из евангельской притчи. Отсюда добывание капиталистической прибыли на путях всемерного расширения массового производства товарной продукции при систематическом снижении стоимости жизненно необходимых товаров (единственный вид филантропии, какой позволял себе протестантски настроенный капиталист). Правда, о чем не забывал упомянуть Вебер, умудренный опытом истории западного капитализма, в конце концов этот пафос капиталистической продуктивности рисковал обернуться самопротиворечивым «производством ради производства». Но это был уже другой вопрос, отдаленный от эпохи «происхождения капитализма из духа протестантской этики» (а именно так можно было бы — в духе раннего Ницше — сформулировать идею рассматриваемой работы Вебера) тремя веками развития крупной промышленности.

Продуктивность западноевропейского капитализма современного типа нашла свое выражение и в том, что он — в отличие от потребительски ориентированных архаических форм капитализма — создал адекватный ему тип организации труда, которому предстояло стать всеобщим, выйдя за рамки отдельных капиталистических предприятий. Речь идет о «рациональной капиталистической организации *свободного* (формально) *труда*», благодаря которой этот новый тип капитализма, «нигде более не существовавший» и возникший лишь на Западе и только в Новое время [1, с. 51], стал активно теснить «авантюристический капитализм», завоевывая все новые и новые позиции — до тех пор, пока не стал безусловно господствующей формой социокультурной организации современного общества.

Вебер решительно утверждает, что именно — и «лишь» — «благодаря капиталистической организации труда» приобрели «свое нынешнее значение все особенности западного капитализма» [1, с. 52]. С нею связана, по его словам, и «так называемая "коммерциализация", то есть появление ценных бумаг и биржи, рационализировавшей спекуляцию» [1, с. 52]. Иначе говоря, решающую роль в совершенствовании торгового дела, поставившего «спекулятивный капитализм» на

службу промышленному, сыграл не «чисто коммерческий», но *организационный*, принцип. Принцип новой *социальной* организации, имеющей объектом рационального упорядочения именно *свободный* труд людей, эмансипирующихся от внеэкономических форм принуждения к деятельности. «Ибо, — аргументирует свой тезис Вебер, — без рациональной капиталистической организации труда все особенности капитализма (напомним: современного — *Ю.Д.*), в том числе и тенденция к коммерциализации, и в отдаленной степени не получили бы того значения, которое они обрели впоследствии (если они вообще были бы возможны). Прежде всего они не оказали бы такого влияния на социальную структуру общества и все связанные с ней специфические проблемы современного Запада. Точная калькуляция — основа всех последующих (*рационализирующих*. — *Ю.Д.*) операций — возможна лишь при использовании *свободного* труда» [1, с. 52].

Со «своеобразием *социального* устройства западного общества» [1, с. 54], как *буржуазной* организации *свободного* труда, Вебер связывает общую — *интегрирующую* — особенность современного капитализма, связанную с тенденцией рационализации *всех сторон общества*. А именно — с тенденцией *универсальной рационализации*, решительно отличающей современный капитализм от «авантюрного» с его «иррационально-спекулятивным характером» [1, с. 50]. Эту тенденцию, отдельные аспекты которой Вебер фиксирует уже в «Протестантской этике», обнаруживая их в глубинных *структурах* мировоззрения и мироощущения аскетически настроенного протестанта, «избирательно сродственных» *этой* будущего функционера промышленного капиталистического производства, он резюмирует обобщающим образом в «Предварительных замечаниях».

Среди отдельных «моментов» этой тенденции, органически встраивающихся в ее всеохватывающее целое, заставляющее вспомнить о гегелевской идее «тотальности духа», Вебер выделяет: 1. «...*Техническое* применение научного знания, которое стало решающим фактором в преобразовании жизненного уклада народных масс», имевшее место лишь «благодаря тому, что определенные начинания получили на Западе экономическое поощрение» [1, с. 54]. А получить это «поощрение» такое применение естествознания могло лишь в результате промышленного, более того, крупнопромышленного — высокопродуктивного — применения и использования капитала, немислимого в рамках капитализма архаического типа.

2. *Последовательную рационализацию всей структуры права* и государственного (как, впрочем, и хозяйственного, «внутрипроизводственного») *управления*, которую автор «Предварительных замечаний» относил «к безусловно важным компонентам» *своеобразия* «социального устройства западного (капиталистического в современном смысле. — *Ю.Д.*) общества» [1, с. 54]. «Ибо, — аргументирует он, — современный *рациональный* промышленный ("триада", определяющая специфику западного капитализма. — *Ю.Д.*) капитализм в такой же степени, как в исчисляемых технических производствах, нуждается в рационально разработанном праве и управлении на основе формальных правил» [1, с. 54]. И, акцентируя этот момент, как отличающий современный капитализм от архаического, тут же добавляет, заканчивая оборванную нами фразу: «... без которых может обойтись авантюристический, спекулятивно-торговый капитализм и политически обусловленный капитализм всевозможных видов...» [1, с. 54]. Чтобы затем подчеркнуть еще раз: «Подобное право и подобное управление в *требуемой* юридической и формальной законченности представлял хозяйственной сфере *лишь* Запад» [1, с. 54].

Итак: рациональное ритмически работающее промышленное производство, базирующееся на рациональной технике (представляющей, по наблюдению Маркса, «ассимилированному» Вебером, *техническое применение науки*) и предполагающее *рациональный рынок*, рациональное право и управление (как общегосударственное, так и «внутрипроизводственное»), а, главное, рациональная организация *свободного*

труда., образующая одновременно и простейшую «клеточку» (как выразился бы Маркс), и всеобщую стихию новой «социальности», — вот что отличает современный капитализм от «архаического», определяя не только специфику «западного капитализма», но и особенности его взаимоотношений с иными типами капитализма.

«Встреча» современного капитализма с архаическим и особенности их взаимоотношений

Отказ Вебера от эволюционно-прогрессистского толкования капитализма как единого социально-экономического образования, разновидности которого (если такие вообще признавались) должны непременно рассматриваться лишь как «стадии» — фазы, ступени, периоды, эпохи и т.д. его развития, побудил автора «Протестантской этики» иначе подойти и к рассмотрению взаимоотношений этих (предполагаемых) «разновидностей», представших в его глазах не как отношения «менее развитого» и «более развитого», при котором второе «снимает» в себе первое на гегелевский манер, или — другой вариант — предстает как «усовершенствованное» (облагороженное и гуманизированное) первое. Типологизирующая веберовская установка, давшая о себе знать уже в «Протестантской этике», предполагала и соответствующие отношения между различными — *гетерогенными* в точном смысле этого слова — *социокультурными* типами капитализма. Для характеристики этих отношений, исключаящих между ними («диалектически-противоречивую») «связь развития», больше подходит тот тип взаимоотношений, который Гегель описал в «Феноменологии духа» как «борьбу за признание», увидев в ней, кстати, простейший социокультурный феномен.

В многочисленных примерах «встречи» разных типов капитализма, рассыпанных в «Протестантской этике», явственно проступает их взаимное «отталкивание», не ведущее, однако, к гегелевскому «синтезу» противоположностей, поднимающему общество и его культуру на «более высокую ступень развития». Столкнувшись в определенном «моменте» времени-пространства («хронотопе»), эти типы капитализма стремятся подчинить друг друга, а если не удается — устанавливают отношения «вооруженного нейтралитета», основанные на разделе «сфер влияния». Взятый в его социологической формулировке, этот принцип их взаимоотношений будет, скорее, «структурным» (но никак не «эволюционным»), точнее, «силовым», основанным на *соотношении сил*. Причем не только экономических, но и социальных, какими располагают в данный момент времени противоборствующие типы капитализма (и капиталистов, его персонифицирующих). Поскольку каждый из типов капитализма, идентифицированных Вебером, имел свой социальный «генезис» и своего особого социального носителя, постольку отношения между *гетерогенными* типами капитализма неизбежно выливались в ту или иную форму *социального конфликта*.

При этом, согласно общему выводу Вебера, современный капитализм во времена его генезиса был представлен, как правило, предпринимателями «средней руки», тогда как противостоял ему «крупный капитализм» старого стиля. Так, например, в североамериканских колониях, «из которых впоследствии образовались южные штаты, капиталистический дух был несравненно менее развит, несмотря на то, что именно эти колонии были основаны крупными капиталистами из *деловых* соображений (торгово-спекулятивного характера. — Ю.Д.), тогда как поселения в Новой Англии были созданы проповедниками и *coscienziosita* (людьми с дипломами об окончании учебных заведений. — Ю.Д.) вместе с представителями мелкой буржуазии, ремесленниками и йоменами, движимыми религиозными мотивами» [1, с. 78].

Парадокс, на который обращает здесь внимание Вебер, будет выглядеть менее парадоксальным, если взглянуть на него с точки зрения веберовской же типологии капитализма. Тогда станет очевидным, что в одном случае мы имеем дело с «традиционным» капитализмом, не имевшим собственного «капиталистического духа» и сочетавшим свою «капиталистическую деятельность» с любым мировоззрением, буду-

чи этически индифферентным. В другом же — перед нами современный капитализм, немислимый без такого «духа», особенно в период своего генезиса. Однако тем более острыми будут выглядеть социальные противоречия этих двух типов капитализма, вызывавшие глухую враждебность «южан» и «северян», в конце концов вылившуюся в гражданскую войну между ними. Во всяком случае этот источник гражданской войны в Северной Америке, который начинает несколько по-новому выглядеть в свете веберовской типологии капитализма, вряд ли следует игнорировать.

Что же касается самого Вебера, то адекватность именно такого истолкования приведенного им примера противостояния двух типов капитализма в США (чреватого, о чем он не говорит, но на мысль о чем наводит, самыми роковыми последствиями) подтверждается другими примерами из той же «Протестантской этики». «Как мы увидим из дальнейшего, — развивает он мысль, проиллюстрированную уже приведенным нами примером, — носителями этого нового строя мышления, которое мы определили как "дух капитализма", были на заре нового времени не только и не столько капиталистические предприниматели из кругов торгового патрициата (вот он, торгово-спекулятивный капитализм, представленный олицетворяющими его социальными фигурами. — Ю.Д.), сколько поднимающиеся средние слои ремесленников. И в XIX в. классическими представителями подобного строя мышления были не благородные джентльмены из Ливерпуля и Гамбурга с их унаследованным торговым капиталом, а выскочки из Манчестера и рейнской Вестфалии, родом из весьма скромных семей. Аналогично обстояло дело уже в XVI в.: основателями возникающих тогда промышленных отраслей были преимущественно выходцы из средних слоев» [1, с. 85].

То, что отношения между «торговым патрициатом» и «выскачками», активно внедрявшими в жизнь организационные и мировоззренческие принципы «промышленного капитализма», не были и не могли быть идиллическими, разумеется само собой. В особенности в тех случаях, когда они сталкивались, что называется, «на узенькой дорожке» одного и того же «материального интереса». «Бездна недоверия, подчас ненависти, прежде всего морального возмущения всегда встречала сторонника новых веяний, часто — нам известен ряд таких случаев — создавались даже настоящие легенды о темных пятнах прошлого. Вряд ли кто-либо станет отрицать, что лишь необычайная сила характера могла уберечь подобного предпринимателя "нового стиля" от потери самообладания, от морального и экономического краха, что наряду со способностью трезво оценивать ситуацию и с активностью он должен был обладать прежде всего совершенно определенными "этическими" качествами, которые только и могли обеспечить необходимое при введении новых методов доверие клиентов и рабочих...» [1, с. 88].

При характеристике такого типа взаимоотношений различных по своей социокультурной сущности форм капиталистической деятельности, особенно часто сталкивавшихся друг с другом именно в эпоху генезиса современного капитализма, автор «Протестантской этики» вводит еще одно понятие — «традиционализм». Под это понятие (которому — что весьма показательно — он отказывается дать «законченную дефиницию», ограничиваясь «несколькими примерами») он подводит формы капиталистической деятельности, наиболее близкие собственно современной, однако отличающиеся от нее по своей сути. Традиционализм как «тип восприятия и поведения» был, по словам Вебера, «первым противником, с которым пришлось столкнуться "духу капитализма" (и, добавим, его конкретным носителям и выразителям. — Ю.Д.) и который являл собой определенный стиль жизни, нормативно обусловленный и выступающий в "этическом" обличье...» [1, с. 80].

Очевидно, что под это понятие вполне могут быть подведены и те формы капиталистической деятельности, которые мы назвали архаическими, чтобы — вслед за Вебером — подчеркнуть трехтысячелетнюю давность их существования; тем более, что по сравнению с современными формами капиталистической деятельности, с которыми они вступают в конфликт в эпоху становления специфически европейского

капитализма, они действительно выступают в аспекте их сугубой традиционности. Однако автора «Протестантской этики» интересует здесь еще один «подтип» капитализма, более близкий современному европейскому и в известном смысле являющийся собой его своеобразную «пред-форму». «Традиционалистическими» по своему характеру могут быть и такие хозяйства, из которых частные предприниматели извлекают прибыль посредством оборота капитала (в виде денег или оцененной в деньгах собственности), то есть посредством приобретения средств производства и продажи продуктов, следовательно, бесспорно представляющие собой "капиталистические предприятия". Подобные хозяйства не только не являются исключением для экономической истории нового времени, они постоянно вновь возникают после неизменно возобновляющихся перерывов, обусловленных все более мощным вторжением в хозяйственную сферу "капиталистического духа"» [1, с. 84—85].

Как видим, понятие «капиталистического» употребляется здесь в двух типологически различных смыслах. В одном случае идет речь о «капиталистическом предприятии», которое может быть по своему характеру и «традиционалистическим», и «современным», в зависимости от того, каким будет внедрившийся в него «дух». В другом случае имеется в виду «капиталистический дух» в строго современном смысле этого словосочетания, позволяющем отличить его от «традиционалистического» духа, выступающего в соответствующем ему «этическом» облике. Отсюда и завершающее только что приведенный веберовский фрагмент соображение общетеоретического характера по поводу того, что «капиталистическая форма хозяйства и "дух", в котором оно ведется (и который выражается в определенном типе "капиталистической деятельности". — Ю.Д.)», хотя и «находятся в отношении "адекватности"», однако «эта адекватность не тождественна обусловленной "законом" зависимости» [1, с. 85].

Иначе говоря, в одну и ту же «капиталистическую форму хозяйства» может «вселяться» различный «дух», например, как «традиционалистический», так и «современный» в узком смысле. Но этот исторический факт не отменяет того принципиально важного «положения вещей», что «дух (современного) капитализма», то есть «строй мышления», для которого, по определению Вебера, «характерно систематическое и рациональное стремление к законной прибыли в рамках своей профессии», «нашел в капиталистическом предприятии свою наиболее адекватную форму, а капиталистическое предприятие в свою очередь нашло в нем наиболее адекватную духовную движущую силу» [1, с. 85]. Но когда в одну и ту же «форму» вселяются два столь различных «духа» — «традиционалистический» и «антитрадиционалистический», легко представить, какой остроты и напряженности должна достигать при этом их «борьба за признание».

«Совершенно очевидно, — развивает Вебер свою основную мысль об остро конфликтной встрече двух типов капитализма на почве одной и той же "формы хозяйства", — что такие предприятия, как банки, оптовая экспортная торговля, даже сколько-нибудь значительная розничная торговля и, наконец, скупка в больших масштабах товаров домашней промышленности возможны лишь в форме предприятий капиталистических. И тем не менее эти предприятия могут быть преисполнены строго традиционалистического духа: дела крупных эмиссионных банков вообще *нельзя вести* иначе; заморская торговля на протяжении целых столетий опиралась на монополии и регламенты строго традиционалистического характера; в розничной торговле... процесс революционизации еще и теперь идет полным ходом; этот переворот, который грозит уничтожением старого традиционализма, уже разрушил систему мануфактурного производства...» [1, с. 85—86].

Исходя из «коммерческих и деловых свойств предпринимателей», имея в виду наличие «капиталовложений и оборота капитала», наконец, учитывая «объективную сторону экономического процесса» — «характер бухгалтерской отчетности», Вебер считает необходимым признать «традиционалистские» предприятия — «капиталисти-

ческой" *формой* организации» хозяйства [1, с. 87]. «И тем не менее, — решительно подчеркивает он, — это "традиционалистское" хозяйство, если принять во внимание *дух*, которым оно проникнуто. В основе подобного хозяйства лежало стремление сохранить традиционный образ жизни, традиционную прибыль, традиционный рабочий день, традиционное ведение дел, традиционное отношение с рабочими и традиционный, по существу, круг клиентов, а также традиционные методы в привлечении покупателей и в сбыте — все это, как мы полагаем, определяло "этос" предпринимателей данного круга» [1, с. 87].

Очевидно, данный «этос» позволяет отличить «традиционный» капитализм от авантюрно-спекулятивного, который вообще имморален и чужд какой бы то ни было этики, кроме чисто прагматической (фактически отрицающей саму себя). Однако, если иметь в виду не отношение к этическому индифферентизму, а собственное содержание традиционалистского «этоса», то оно противоположно также и «этосу» современного капитализма в узком смысле. И здесь как раз заключается источник «морального возмущения» традиционалистски ориентированных капиталистов их современно настроенными конкурентами, имеющего социокультурный «подтекст».

Суть дела заключалась в остроконфликтном столкновении двух этически несовместимых *образов жизни* и двух *социальных типов* их носителей, боровшихся за монопольное обладание одной и той же *формой* хозяйства как за свое «жизненное пространство». «Прежней уютной, спокойной жизни приходил конец, и наступала пора суровой трезвости; те, кто подчинялся законам времени и преуспевал, *хотели* не потреблять, а приобретать; другие стремились сохранить прежний строй жизни, но *вынуждены* были ограничить потребности» [1: с. 88]. Исторический — можно сказать даже всемирно-исторический — смысл деятельности первых заключался в том, чтобы «подготовить почву для того безграничного роста интенсивности и производительности труда, который необходим в капиталистическом предпринимательстве (современного типа. — Ю.Д.) и несовместим с безмятежным существованием и наслаждением жизнью» [1, с. 88]. Их *этические качества*, согласно автору «Протестантской этики», «по самой своей специфике относятся к иному *типу*, чуждому традиционализму прежних времен (здесь традиционализм берется уже в более широком смысле, так что под него могут быть подведены все формы "несовременного" капитализма. — Ю.Д.) и адекватным ему свойствам» [1, с. 88].

Специально подчеркивая в рассматриваемой связи, что речь идет прежде всего об *этических*, духовных свойствах и качествах, о содержании «капиталистического духа», Вебер обосновывает основной — *принципиально важный* — тезис своей работы, заостренный как против Маркса, так и против Зомбарта (шедшего здесь по его стопам): «...Что самое главное — *не* приток новых *денег* совершал, как правило, этот переворот (от традиционного капитализма к современному. — Ю.Д.)... но вторжение нового *духа*, а именно "духа современного капитализма"» [1, с. 88]. Да и вообще: «Вопрос о движущих силах экспансии современного капитализма (и в этом еще одно его отличие от капитализма архаического и традиционного. — Ю.Д.) не сводится к вопросу об источнике используемых капиталистом денежных ресурсов» [1, с. 88]. Тем более, что как свидетельствует Вебер, «в ряде известных нам случаев весь процесс революционирования (капитализма традиционного типа. — Ю.Д.) совершался при помощи нескольких тысяч, взятых взаймы у родственников» [1, с. 88]. Так что и здесь речь идет «в первую очередь... о развитии капиталистического духа» [1, с. 88].

«Столь же несомненно и то, — возвращается он к вопросу о *социально-этическом типе* провозвестников "нового *духа*", — что этот внешне почти неприметный (но весьма напряженный социально-психологически. — Ю.Д.) для проникновения нового духа в экономическую жизнь сдвиг (от "традиционалистского" капитализма к современному. — Ю.Д.) совершался, как правило, не отважными и бесприн-

ципными спекулянтами или а вантюристами, которых мы встречаем на протяжении всей экономической истории, не обладателями "больших денег", а людьми, прошедшими суровую жизненную школу, осмотрительными и решительными одновременно, людьми сдержанными, умеренными и упорными по своей природе, полностью преданными своему делу, со строго буржуазными воззрениями и "принципами"» [1, с. 89].

О том, как *духовное* противостояние двух социокультурных типов капитализма — традиционного (или даже архаического) и современного — выглядело *на практике*, в исторической *реальности*, Вебер достаточно выразительно пишет на последних страницах второй части своей статьи «Протестантская этика и дух капитализма», которая специально посвящена скрупулезному анализу «профессиональной этики аскетического протестантизма». Речь идет об отношении капиталистического предпринимательства, исполненного «духа» наиболее ригористической версии протестантизма, к «"органическому" социальному устройству в том фискально-монополистическом его варианте, который оно получило, по словам Вебера, в англиканстве при Стюартах, в частности, в концепции Уильяма Лода...» [1, с. 204]. Читаем дальше: «...Этому союзу церкви и государства с "монополиями" на почве христианского социализма (обратим внимание на этот нарочито модернизированный подтекст веберовской терминологии. — Ю.Д.) — пуританизм, все сторонники которого были решительными противниками *такого*, пользовавшегося государственными привилегиями капитализма торговцев, скупщиков и колонна листов, противопоставлял индивидуалистические *импульсы* рационального л е г а л ь н о г о предпринимательства, основанного на личных качествах, на инициативе» [1, с. 204]. «Политически ориентированному» капитализму, искони пользовавшемуся государственными привилегиями, противопоставит здесь действительно свободный и действительно современный капитализм, *опирающийся на право* и заинтересованный в его последовательной рационализации.

А вот и некоторые итоги этого противостояния двух капиталистических «духов»: «...Если пользовавшаяся государственными привилегиями монополистическая промышленность скоро пришла в упадок, то рациональное, предпринимательство пуритан сыграло решающую роль в развитии тех промышленных отраслей, которые возникли без какой-либо поддержки со стороны государства, а подчас и несмотря на недовольство властей и вопреки ему. Пуритане (Принн, Паркер) решительно отказывались от сотрудничества с "придворными прожектами" крупнокапиталистического типа, считая, что они вызывают сомнения в этическом отношении. Пуритане гордились превосходством своей буржуазной морали и деловых качеств, усматривая в них подлинную причину тех преследований, которым они подвергались со стороны придворных кругов ("лоббировавших", говоря современным языком в пользу капитализма архаически-традиционного типа. — Ю.Д.)» [1, с. 204—205]. Как видим, этот тип отношений между различными социокультурными формами капитализма очень далек от наших эволюционно-генетических представлений о капитализме, согласно которым крупный торговый капитал автоматически «перетекает» в сферу промышленности, рождая капитализм современного индустриального типа. Здесь — борьба, и борьба нешуточная.

Остроту этой борьбы, в ходе которой противостоящие стороны не гнушались такими средствами, как «бойкот банковских векселей» и «денонсация вкладов», засвидетельствовали памфлеты Даниэля Дефо, на которого ссылается Вебер [1, с. 205]. «Противоположность этих двух видов капиталистической деятельности во многом соответствует, — по его наблюдениям, — различиям религиозных учений и их представителей. Нонконформисты еще в XVIII в. постоянно подвергались издевательствам за то, что они являли собой носителей "spirit of shopkeepers" (духа лавочников — *англ.*), и преследовались за искажение идеалов старой Англии. В этом коренилась и противоположность между пуританским и еврейским

хозяйственным этосом — уже современникам (Принн) было ясно, что первый, а не второй был *буржуазным* хозяйственным этосом» [1, с. 205].

Это противопоставление приобретает тем более глубокий смысл, что проводится Вебером на фоне далеко идущих параллелей между пуританским и иудаистским типами религиозности. «Для понимания внутренней настроенности пуритан следует наряду с... ролью в их жизни Ветхого завета прежде всего иметь в виду, что в пуританизме возродилась во всем величии вера в народ, избранный Богом» [1, с. 193]. «Что же касается талмудизма, — развивает он свою идею "параллелизма" иудаизма и пуританизма в одном из обширных примечаний к основному тексту, — то ему, безусловно, родственны и некоторые принципиальные установки протестантской этики» [1, с. 259]. Однако эта очевидная родственность не ослабляла (а, быть может, даже усиливала) противоположность, связанную с гетерогенностью — разнотипностью — двух *хозяйственных* «этосов» — иудаистского, с одной стороны, и пуританского — с другой.

Этот факт Вебер особо отмечает в заключение упомянутого примечания. «Для английских пуритан, — пишет он, — современные им евреи были представителями того ориентированного на войну, государственные поставки, государственные монополии, грюндерство, финансовые и строительные проекты капитализма, который вызывал у них ужас и отвращение» [1, с. 260]. И добавляет уже в скобках: «По существу, эту противоположность можно с обычными, неизбежными в таких случаях оговорками сформулировать следующим образом: еврейский капитализм был спекулятивным капитализмом *париев*, пуританский капитализм — буржуазной организацией трудовой деятельности» [1, с. 260]. Главная же линия раздела и противоположения и в данном случае, *как и в остальных, рассмотренных нами выше*, проходит не между «этносоми» (версия, против которой неоднократно предостерегал Вебер) и даже не между религиями, пусть это будут даже мировые религии, а между *типами хозяйственных «этосов»*, то есть — применительно к нашей проблеме — между *социокультурными типами капитализма* и «капиталистической деятельности».

«Здесь Родос, здесь прыгай».

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.